

Девушки сначала пытались чинно разрезать торт на части, но потом похватили его руками и стали швырять друг в друга под неодобрительные взгляды охраны и бессильные слезы поваров

«Блестящие» устроили презентацию

к нам приехал Новая газ. - 2002 - 27 сеп. 013

“нет воли, нет покоя, но счастье точно есть”

Белла Ахмадулина о Владимире Войновиче

В день рождения Владимира Войновича Белла Ахмадулина согласилась дать небольшое интервью Газете и сказать несколько слов о своем давнем друге. Что это за человек для вас?

Надеюсь, что мое пристрастное отношение к Владимиру Николаевичу Войновичу совпадет с объективной справедливостью. Пристрастное, потому что это мой ближайший товарищ многих, многих лет. Я почитатель его замечательного таланта, к которому давно возымела нежное внимание. Это было еще до «Чонкина». Это были, как мне кажется, замечательные его вещи: «Хочу быть честным», «Путем взаимной переписки», ну и так далее.

Я не думаю, чтобы замечательный талант художника мог состоять в разлуке с достоинствами его личности.

Я всегда восхищалась Владимиром Николаевичем. Он человек замечательного благородства, замечательной отваги. Это было проверено очень тяжелыми для него годами. Это началось с 1976 года и в 1980 году достигло очень опасной крайности. Он не хотел уезжать из страны, несмотря на то что эта невзгода приобретала очень зловещие очертания. Не хотел уезжать до последнего, но обстоятельства становились безвыходными. Мы не расставались с ним, с его семьей все эти долгие годы, которые он переживал не только с необыкновенным мужеством, но даже, я бы сказала, с изящным мужеством. Потому что, понимаете, он оставался великодушным, остроумным, а это нешуточные были обстоятельства, отнюдь.

Вы помните, как он уезжал и как вернулся?

Конечно, я помню. Когда мы в восьмидесятом году прощались, у нас были его прощанья. Сначала мы его провожали в мастерской Бориса Мессерера, где, кстати, есть камин, и там Владимир Николаевич с Борисом сжигали ненужные бумаги. Это было трудное зрелище. Конечно, он сжигал не единственные экземпляры, но все-таки это были труды писателя. И я даже пепел потом собрала, сколько смогла, положила в конверты и написала на них, что это такое.

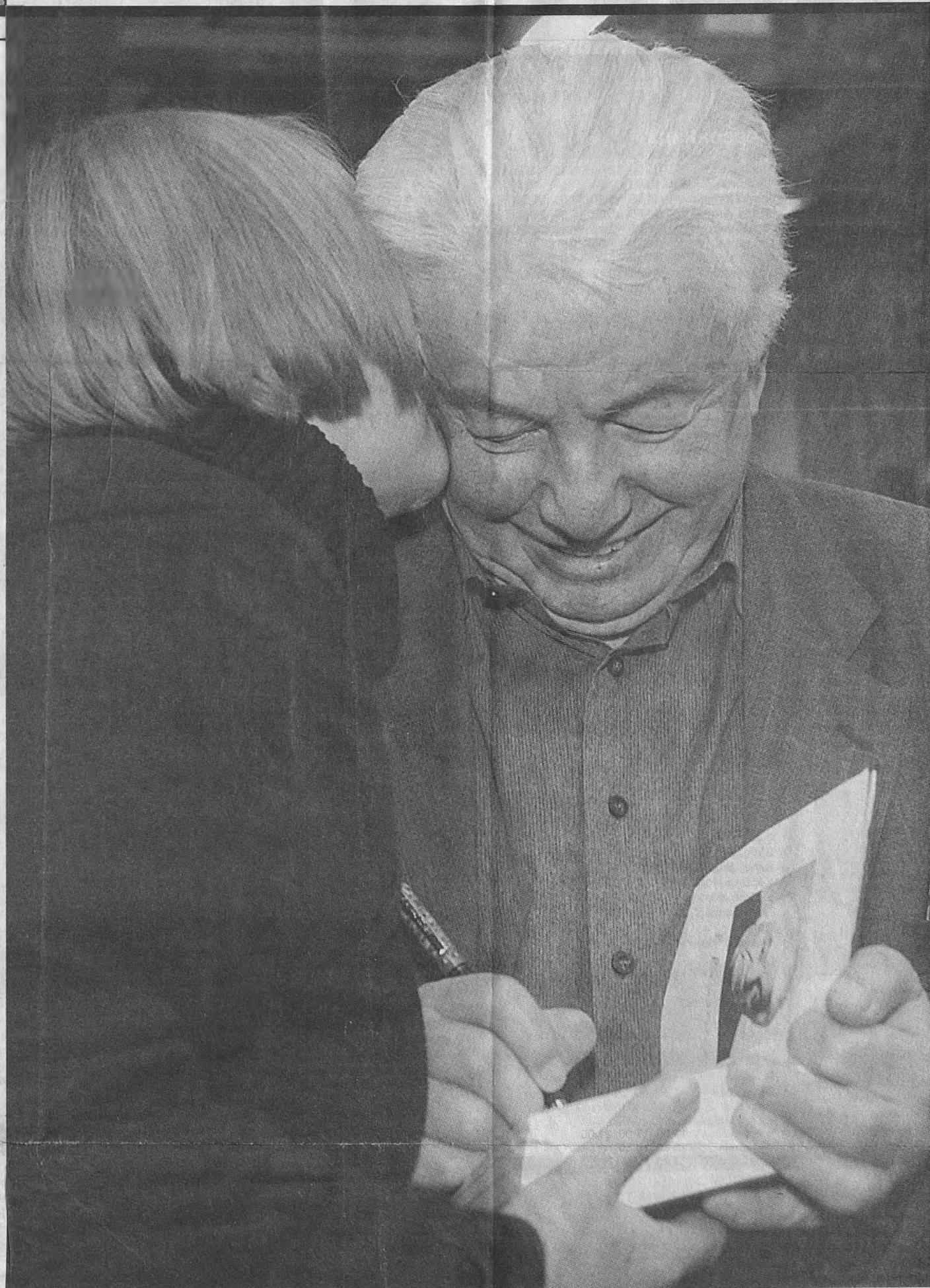
А потом у нас были проводы накануне его отъезда. Он держался очень мужественно и отважно, но когда Булат Окуджава в честь Войновича пел что-то, тут Войнович не смог сдержать себя и ему пришлось выйти в другую комнату. Так что это все было очень трагично.

А на следующий день на аэродроме, где умели чинить разного рода неприятные вещи — как всегда при отъезде, например, когда Аксенов уезжал, — и над Войновичем глумились. И вдруг он не стерпел — он гордый человек — и хотел идти обратно через паспортный контроль. Сказал: «Я вообще не хочу уезжать...» И я просила его пропустить.

А еще с его дочерью маленькой... Ей было тогда шесть лет. Она носила на цепочке мой подарочек как талисман. Это был старый грузинский газырь. Придрались к тому, что, дескать, он серебряный и старый. Она называла его «колокольчик». Она бросилась ко мне и говорит: «У меня твой колокольчик отнимают». И тут уже довольно мрачным голосом я сказала одному: «Только попробуй». Я им, конечно, ничего противопоставить не могла, но все-таки на них это подействовало. Они не стали терзать ребенка. Все было очень драматично. Мы думали, что прощаемся навсегда, потому что он не надеялся приехать сюда. А я, конечно, понимала, что не смогу никуда поехать. Так, наверное, полагало и начальство. Мы увиделись через семь лет. Он еще сюда не приехал. Это было все еще неопределенно. Мы увиделись в Нью-Йорке и с Аксеновым, и с Войновичем через семь лет разлуки, которую предполагали бесконечной.

И потом, конечно, я помню. Это было при Горбачеве. Ему вернули гражданство. Квартира появилась московская... Так что эта наша дружба была украшением души моей и жизни. Хотя все было очень трудно. Я не только переживала, но и боялась за него. Потому что были угрозы — не какие-нибудь косвенные, а прямую угрожали. Они отчасти и сбывались. Потому что родители его жены не выдержали этого. Да при малом ребенке... Но все-таки сегодня его день рождения...

У него всегда была открытость души, открытость сердца. Все-таки это открытое сердце, оно потом... Не хочется об этом говорить, но все-таки и операция на открытом сердце последовала. Все это непросто вынести. У мужественных людей душа выносит, ум претерпевает, но плоть оказывается слабее. Но, к счастью, Войнович и это вытерпел. Потом он стал еще рисовать, что его очень увлекает, и мне нравится, как он рисует. Как-то приходят на ум известные пушкинские слова: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». А у меня в одном стихотворении, как бы в робкой игре с этими словами, написано: «Нет воли, нет покоя, но счастье точно есть».

Замечательный талант художника не может состоять в разлуке с достоинствами его личности, по словам Беллы Ахмадулиной Фотограф: Юрий Штукин/Газета